На третій день послѣ сраженія 19-го Іюня, Селафа
илъ ведетъ на Баштовѣ Турецкій плѣнный Ко
рабль Сельсель-Бахръ.

Историко-краеведческий журнал

Костромская СТАРИНА

2008

№21

Лариса Сизинцева

О СУДЬБАХ АРХИВА КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ

Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК или просто КНО) было создано 5 мая 1912 г. с целью универсального изучения Костромского края силами краеведов-любителей. От существовавшей одновременно с ним Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК) общество отличал интерес к естественно-научной проблематике, к недавнему и современному развитию края, его промышленной и революционной истории. В остальном цели почти совпадали, что позволило комиссии влиться в состав КНО на правах секции в 1917 г.

Л. Сизинцева на выставке к 75-летнему юбилею КНОИМК в Костромском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь». 1987 г.

Вместе с Романовским музеем комиссии КНО приняло на себя и заботу о ее огромном архиве. Однако к этому времени бесприютное научное общество обладало и собственным собранием архивных материалов, которое кочевало вместе с ним по различным наёмным помещениям.

Из чего же состоял архив КНО? Значительную его часть составляло собственное делопроизводство общества: протоколы, собрания, тексты научных сообщений, материалы экспедиций. К этой группе материалов примыкала и огромная переписка, заполненные анкеты и записи фольклорного и этнографического характера (с описанием верований и обрядов, записями песен, сказок, легенд), присланные в ответ на программы, распространённые обществом. Так, уже в первый год своего существования, 1912, КНО распространило диалектологическую программу Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук и выпустило собственную программу под названием «Предварительные указания к изучению Костромской губернии в естественно-научном отношении», которая выдержала три издания.

Позже, в советское время, эта деятельность была продолжена. При помощи программ организовывалось изучение различных сторон жизни края: природа, фольклор, экономика, психология, быт. Эта сторона деятельности КНО была отмечена Центральным бюро краеведения, и на базе Костромского и Ивановского научных обществ был создан методический центр по разработке краеведческих программ, расходившихся по всей стране.

Особенно хотелось бы сказать об анкетах, распространяемых КНО. В отличие от программ они включали не только вопросы (поставленные в более конкретной форме, нежели в программах), но и место для ответов. Слева – вопросы, напечатанные типографским способом, иногда сопровождаемые изображениями, справа – рукописные ответы. Именно в таком виде анкеты возвращались в общество. Заполнить их мог каждый грамотный человек, их рассылали с экземплярами местных газет, на адреса храмов и волостных правлений или просто знакомым уже крестьянам, священникам, представителям местной интеллигенции. Очень много было крестьянских ответов, они возвращались из самых дальних уголков Костромской губернии.

Круг вопросов, включенных в анкеты и программы, был очень широк. Как только началась Первая мировая война, при поддержке земства была разослана анкета о влиянии войны на жизнь деревни, в 1917 – «Влияние революции на жизнь деревни». Явление охватывалось со всех сторон, от экономики до фольклора. Иногда, не удовлетворяясь предложенным для ответа местом, авторы ответов составляли целые исследования. В советское время были выпущены анкеты «Культ и народное сельское хозяйство», «Хулиганство, его рост и вред, причиняемый им», «Как у вас строятся избы и дворы» и т.д. Ответы на эти анкеты составляли значительную часть архива КНО.

Наряду с этим целенаправленно собирались письменные источники, характеризовавшие события, будоражившие общество: письма с фронтов империалистической войны, из немецкого плена, во время революции – листовки, афиши и т.д. В отчете КНО за 1918 г. упомянуты пропуск на проезд в Петроград, бланк депутатского билета съезда Советов, удостоверение губернской продовольственной управы, выданное мешочнику, копия резолюции последнего заседания Костромского губернского земства 2 апреля 1918 г. и многое другое. Наряду с этим велось комплектование дневников и воспоминаний очевидцев революционных событий.

Наряду с документированием современности велась работа по сохранению старинных рукописей XIV–XIX вв. Уже в 1912 г. В.И. Барыков передал рукопись 1779 г. о рыбной ловле на Галичском озере, позднее от И.Д. Преображенского поступили документы XVIII – XIX вв. Однако и позже поступления такого рода были значительными. Например, в 1924 г. Д.А. Марков передал в Ветлужское отделение КНО остатки архива Лугининых, обнаруженные в с. Рождественское, и, в частности, архив одного из первых в России ссудо-сберегательного товарищества, основанного С.Ф. Лугининым в 1864 г.

Как писал В.И. Смирнов в статье к десятилетнему юбилею общества, поступали «целые архивы – вотчинные, различных учреждений и лиц, собрания писем и проч. Особенно крупны были архивные поступления в 1917–1918 гг., когда опасность уничтожения архивов заставила об[щест]во принять усиленные меры к их спасению. Было организовано несколько поездок в уезды, в самой Костроме ряд архивов был взят на учёт, другие перевезены в более надёжные помещения. Необходимо добавить, что Об-[щест]вом был выработан план создания Губернского центрального архива значительно раньше, чем возник Главархив»[1].

Ответ на Программу КНО «Отношение населения к войне». 1912 г.

Так было по всей стране, пока архивному делу была необходима помощь армии краеведов. В 1923 г. на страницах журнала «Краеведение» С.Н. Чернов констатировал: «Но власть не в силах оказать эту помощь в размерах действительной в ней потребности или хотя бы в близкой к ней степени [...]. Поэтому спасение погибающих архивов и упорядочение архивного дела на местах должны в значительной мере стать делом самих мест»[2]. И там же: «... очередная и неотлагаемая задача учреждений и общественного краеведения, как и всех, по существу, культурных ячеек страны – прийти на основе принципов общественной работы на помощь государственной власти в деле спасения и охраны местных архивов»[3].

Правление Чухломского отделения КНО. 1927 г.

Краеведческая общественность выполнила поставленную задачу по спасению архивов. Однако декретом о создании Государственного архивного фонда ведомственные архивы упразднялись, а 31 марта 1919 г. вышло положение Совнаркома о губернских архивных фондах, куда должен был поступить и архив КНО.

Поначалу обществу удалось избежать отчуждения архива благодаря тому, что оно ввело в состав правления КНО уполномоченного Главархива по Костромской губернии и поручило ему обработку своего архива. И Е.Ф. Дюбюк, и Ф.А. Рязановский осуществляли таким образом «личную унию», как говорил В.И. Смирнов, то есть единение Государственного архивного фонда и Научного общества. Это позволяло сохранить архив именно в качестве одного из трех важнейших условий и ресурсов научной работы. Однако 13 марта 1926 г. по инициативе Центрархива выходит постановление Совнаркома о немедленной передаче в архивохранилища материалов всех учреждений Главнауки, в системе которой работали самые разные организации, от Академии наук до местных научных обществ. Это требование необычайно затруднило работу всех этих организаций, поскольку требовалось передать материалы, документирующие вещественные памятники, делопроизводство самих учреждений, отражающее результаты текущей научной деятельности и т.д.

В Костромском научном обществе уже в ноябре 1925 г. «архивы были опечатаны новым составом Губархивбюро, кроме одного архива, находящегося в библиотеке общества, на вывозе которого последнее все время настаивает. Использование архивов Об[шест]ва для справок и работ стало возможно лишь при условии довольно сложной операции распечатывания каждый раз помещения»[4]. Естественно, В.И. Смирнов был прав, говоря, что «научные интересы едва ли могут мириться с таким положением, когда архивохранилища не устроены, как в Костроме, когда частному и общественному почину в деле сохранения и собирания архивов ставятся преграды, и самое пользование их становится неналаженным, тем более, что возбужденный правлением вопрос о выдаче Об[шест]ву архивных материалов, принадлежащих ему, в том числе и бумаг прежнего делопроизводства Об[шест]ва [...], был отклонен»[5].

Потянулась долгая и безрезультатная переписка с Центроархивом, а Общество, несмотря ни на что, продолжало спасать документы. В частности, как значилось в отчете за 1926 г., «приняло самое живое участие в судьбе костромских архивных материалов, оказавшихся в Москве и продававшихся на рынке. В то же время Об[шест]во не в состоянии было удовлетворить научные архивные справки некоторых лиц ввиду того, что многие архивы, принадлежащие Губархивбюро, находятся в неразобранном виде, и выборка научных материалов из них представляется весьма затруднительной особенно в неотапливаемых помещениях, где они хранятся. Архивная научно-исследовательская работа Об[шест]ва значительно замерла не только в силу указанных условий, но и др[угих] причин, как, напр[имер], затруднения в опубликовании обработанных материалов»[6].

Подобная ситуация сложилась и в других научных организациях, в том числе и краеведческих. Документальные и фотоматериалы изымались из музейных экспозиций, где они порой пребывали в лучших температурно-влажностных условиях, нежели в сырых и неотапливаемых архивохранилищах, где они к тому же становились недоступными для широкого пользователя[7].

28 июня 1927 г. Главнаукой было созвано совещание из представителей крупнейших научных музейных учреждений, которое предложило компромиссный вариант: был составлен список крупнейших научных музейных организаций, при которых должны были быть оставлены организованные архивохранилища, определен характер документов, не подлежащих централизации. В частности, к ним были отнесены архивные материалы, связанные с коллекциями музейных предметов. Однако в числе этих исключений значился лишь Костромской музей местного края, само Костромское научное общество не попало в их число (на совещании вообще не присутствовали представители Центрального бюро краеведения).

В реальной работе это выглядело так: «26 марта 1927 года музеем было возбуждено перед Губархивом ходатайство о выдаче во временное пользование дел б[ывшей] Архивной комиссии, в которых можно было бы отыскать точную датировку части экспонатов музея. Центроархив РСФСР, куда было переслано ходатайство, разъяснил через 10 с лишком месяцев (13 января 1928 г.), что «передача целых фондов во временное пользование учреждений не допускается и что при подобных случаях возможен лишь допуск к занятиям по определенным материалам в читальном зале Губархивбюро»[8].

Казалось бы, на сегодняшний взгляд вполне законное требование. Если бы только оно было исполнимо! Читального зала у Губархивбюро не было, а требуемые материалы хранились в здании самого музея в опечатанном помещении, хотя без них разбор и описание коллекций были практически невозможны.

Однако это был уже 1928 г. Начались гонения на археологию и этнографию, равно как и на краеведческое движение в целом. Они были объявлены «утонченной контрреволюцией», таким образом, противоречие между хранителями и исследователями было уничтожено путем ликвидации последних.

Этот урок истории состоит в том, что любое учреждение рождается на свет в целях определенного рода человеческой деятельности, однако жизнь неустанно демонстрирует примеры, когда, образовавшись, учреждение становится самоцелью, отказываясь удовлетворять ту потребность, ради которой появилось на свет. Именно это произошло в свое время с архивом. Думается, всем Хранителям – и музейщикам, и архивистам, и библиотекарям надо помнить, что все наши хранилища источников необходимы прежде всего для исследователей, и необходимо открыть к ним доступ самым широким кругам. Хочется верить, что так оно и будет[9].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Краеведение. – 1923. – №1. – С.51.
2 Там же, с. 15.
3 Там же, с.17.
4 Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1925 год. – Кострома, 1926. – С.8.
5 Там же, с.9
6 Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1926 год. – Кострома, 1927. – С.5.
7 См.: Известия Центрального бюро краеведения. – 1927. – №5. – С.148–149.
8 Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1928 год. – Кострома, 1929.
9 Публикуемый текст был подготовлен к выступлению на конференции, посвященной 70-летнему юбилею архива 26 мая 1988 г.